

Richterek, Oldřich

К вопросу о чешских переводах "Петербургских повестей" Н.В. Гоголя

In: *N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase : (studie o živém dědictví)*.
Dohnal, Josef (editor); Pospíšil, Ivo (editor). V Tribunu EU vyd. 1. Brno:
Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010, pp.
361-370

ISBN 9788073991975

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132746>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

К ВОПРОСУ О ЧЕШСКИХ ПЕРЕВОДАХ «ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЕЙ» Н. В. ГОГОЛЯ

ОЛДЖИХ РИХТЕРЕК (ГРАДЕЦ-КРАЛОВЕ)

On Czech Translations of N.V. Gogol's *Tales of Petersburg*. The paper is based on the tradition of Czech translations of Gogol's oeuvre and demonstrates the latest approaches to it by means of an analysis of *Petrohradské povídky* translated by Anna Nováková. Besides her solution of the transfer of the name Bashmachkin, the protagonist of the tale *Plášť* (*The Overcoat*), the paper describes her interpretative strategies such as an accent on presenting Gogol's equivalent semantics and narrative style (including the natural character of expression), i.e. on the quality of the final metatext, which, through Gogol's view of the world, enriches not only the receiving Czech culture, but also the ability of portrayal in the contemporary Czech language.

Keywords: N. V. Gogol, Czech translations of *Tales of Petersburg*, importance of a translated text for the development of the receiving Czech culture as well as the Czech language.

1. Художественное наследие русско-украинского писателя **Николая Васильевича Гоголя**¹ является уже больше, чем 160 лет, неотделимой

¹ Хотя Гоголь родился на Украине, и немалая часть его произведений мотивирована своеобразием украинского (малорусского) быта и традиций (на основе личного опыта писателя), нельзя забывать о его выразительном вкладе в развитие русской литературы (в области жанра, тем и поэтики). Именно поэтому мне думается, что мы могли бы по праву Гоголя отнести к т. наз. „dvojdomovým“ писателям, опираясь на традиции, внесенные в теорию литературной компаративистики еще словацким ученым Д. Дюришиным лет двадцать тому назад. Он говорил в подобных ситуациях о „dvojdomovosti“ (или „viacdomovosti“) литературных авторов. К этому ср.: ĎURIŠIN, D. a kol.: *Systematika medziliterárneho procesu*. Bratislava: Veda, SAV, 1988, s. 50 и др. Учитывая современную международную популярность Гоголя, перешагивающую рамки культурного контекста зарождения его произведений, мы могли бы говорить о нем даже как о «транскультурном» писателе.

частью чешской культуры.² Чешских читателей и чешскую культурную среду несомненно привлекал (и до сих пор привлекает) своеобразный гоголевский юмор, поразительно мастерское улавливание тонких нюансов (деталей) вечных общечеловеческих слабостей на пути к настоящему наполнению жизни и заметная «дымка» романтики, перешагивающая своим характером временный контекст русского перехода от романтизма к реализму. Виднейшее место на символической лесенке популярности, конечно, занимает комедия *«Ревизор»*, не исчезающая до сих пор со сцены чешских театров. Однако, например, и рассказы, включаемые традиционно в сборник *«Петербургских повестей»* (или самостоятельно или вместе, т.е. в форме всего сборника) дождалась со времени своего вступления на чешскую читательскую сцену многих переводческих изданий.³

1.1. Целью настоящей краткой работы не является, конечно, анализ всех – более или менее, символически упомянутых – переводов. Мне хотелось бы коснуться проблематики современного переводческого подхода к своеобразной поэтике и семантике небольших гоголевских проз, так как мы можем их по праву отнести к фундаментальным произведениям русской литературы, способствовавшим зарождению определенных традиций в области тем, мотивов, восприятия и художественного оформления действительности на протяжении 160 лет развития последней. Именно поэтому я попробую приостановиться только на последних переводах *«Петербургских повестей»*, которые, по праву, можем считать важным вкладом Гоголя

² Первые переводы произведений Гоголя в чешских журналах появлялись с 1839 г. Ср. к этому: KOSTŘICA, V.: N. V. Gogol a naše doba. In: KOSTŘICA, V. (editor). *Gogol a naše doba*. Olomouc: UP, 1984, с. 7. Книжные издания чешских переводов произведений Гоголя стали появляться с 1846 г. Ср.: GOGOL', N. V.: Taras Bulba : obraz starého Kozáctwa na Ukrajině. Přel. Karel Wladislaw Zap. Praha : Jaroslav Pospíšil, 1846. GOGOL', N. V. Plášť : powěst z úřednických sfér Petrohradských. Přel. Hawel Borowský. Praha: Jaroslav Pospíšil, 1847. GOGOL', N. V. Podobizna. Přel. Kristian Stefan. Praha : Jar. Pospíšil, 1847 и др. Перевод первого тома романа «Мертвые души», созданный Карлом Гавличеком-Боровским, появился в 1849 г., хотя этот чешский писатель и журналист переписывался с Гоголем уже раньше и перевел на чешский язык ряд его рассказов, более или менее из цикла «Петербургских повестей» (к этому см.: KŠICOVÁ, D.: N. V. Gogol a česká literatura. In: KOSTŘICA, V. (editor). *Gogol a naše doba...*, цит. произв., с. 67). В Чешской национальной библиотеке в Праге хранится 21 том разных изданий переводов повести «Тарас Бульба», 24 тома разных изданий переводов комедии «Ревизор» (поставленной, между прочим, на экран известным чешским кинорежиссером М. Фричем еще в 1933 г.; личность Чичикова в этом фильме исполнил незабываемым способом популярный чешский комик Власта Буриан) и др.

³ С 1847 г. (см. выше) хранится в Национальной библиотеке в Праге 18 таких томов.

К ВОПРОСУ О ЧЕШСКИХ ПЕРЕВОДАХ «ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЕЙ» Н. В. ГОГОЛЯ в формирование характера последующей русской литературы.⁴ Я, конечно, имею в виду не только симптоматический мотив будничной жизни или „*par excellence*“ исключительный мотив Санкт-Петербурга.⁵ Мы могли бы, разумеется, напомнить гоголевское открытие (до момента его вступления в литературу) мало замечаемой силы высказывания у художественной детали, его вдохновительный импульс для развития специфически русского «смеха сквозь слезы» и (со временем нередко слегка схематически интерпретированную) проблематику т. наз. «маленьких людей». Как ни странно, именно эти упомянутые различительные знаки гоголевского завещания отмечались нашей принимающей средой с первых моментов своего вступления в чешскую культуру.⁶ Фиктивно случайно открываемые детали человеческого характера и окружающей ее среды, будто случайно помещаемые в почти карнавальные сцены с неожиданными моментами шуток, сопровождаемых персифляжем, карикатурой и повторным показыванием «зеркала» (т.е. настоящей правды) всему дурному в обществе⁷, не потеряли своей способности злободневно обращаться к читателю и потенциальному реципиенту в русской (а даже инокультурной) среде и в начале XXI-ого века. Дело в том, что семантическое ядро художественной исповеди Гоголя находит немало аналогических «зеркальных» импульсов в перманентных «заболеваниях» нравственных достоинств современного человечества.

2. Проблематика переводов русской литературы занимает важное место в чешском литературоведении и транслатологии и убедительно подтверждает перманентный чешский интерес к настоящим ценностям русской лите-

⁴ Несмотря на то, что символическое крылатое изречение Ф. М. Достоевского «все мы вышли из *шинели* Гоголя» приобрело со временем оттенки клише, мы не можем, объективно говоря – особенно с намеренным учетом дальнейшего развития русской литературы – опровергать его фактографическую сущность.

⁵ Чешский исследователь И. Поспишил по праву, например, выдвигает вклад гоголевской поэтики «будничной банальности» в развитие русского критического реализма (в натуральную школу) и вклад гоголевского сборника «*Петербургские повести*» в формирование феноменального образа Санкт-Петербурга – волшебного, таинственного и даже «химического» города, т.е. в образ, с которым мы не раз встречаемся в русской литературе последних двух столетий. Ср. к этому: POSPÍŠIL Ivo. Gogol, Nikolaj Vasiljevič. In: POSPÍŠIL, Ivo a kol.: Slovník ruských, ukrajinských a běloruských spisovatelů. Praha: Libri, 2001, с. 232.

⁶ На эти проблемы я обратил внимание еще 25 лет назад в связи с поиском гоголевской традиции в творчестве А. П. Чехова. Ср.: RICHTEREK, O.: Ke gogolovské tradici v díle A. P. Čechova. In: KOSTŘICA, V. (editor). Gogol a naše doba..., цит. произв., с. 38-41.

⁷ Именно эти знаки творчества Гоголя выдвигал еще в 70-ые годы прошлого века известный чешский знаток русской литературы И. Гонзик. См.: HONZÍK, J.: Revizor ruské skutečnosti. In: PAROLEK, R., HONZÍK, J.: Ruská klasická literatura (1789-1917). Praha: Svoboda, 1977, s. 152.

ратуры – как составной части литературы мировой.⁸ В случае «*Петербургских повестей*» меня особенно заинтересовал последний перевод, созданный известной и одаренной переводчицей **Анной Новаковой**, появившийся в 2002 г.⁹ Кроме глубокого опыта, опирающегося на намеченное мной длительное знакомство с русской литературой и культурой, она своими переводами практически воплощает тенденции развития чешского перевода русской литературы в сложных этапах формирования последнего во второй половине XX-ого века, значит, ее переводы могут служить объективной иллюстрацией качественных сдвигов в процессе развития современного чешского художественного перевода, особенно в его меняющейся роли в рамках инокультурной принимающей среды. В этом контексте чешской русистики и вообще чешской культуры А. Новакова завоевала себе реноме первоклассного переводчика русских трудоемких художественных текстов и выдающегося знатока русского быта и своеобразия русской общественной и культурной идентичности.

2.1. Свои наблюдения я постараюсь демонстрировать на примерах перевода упомянутого общепопулярного рассказа «*Шинель*», так как мне ду-

⁸ В качестве примера позволяю себе привести хотя бы несколько иллюстративных примеров моих работ, посвященных имплицитно данной проблеме: RICHTEREK, O.: Český překlad ruské poezie v posledním půlstoletí. In: Český překlad 1945-2003. Ústav translologie FF UK, Praha 2005, с. 67-74. Nad moderními českými překlady Taťána dopisu v Puškinově románu Evžen Oněgin. In: AUC, Philologica I, Translatologica Pragensia VII. Karolinum, Praha 2002, с. 85-92. A. P. Čechov v kontextu moderních českých překladů ruské literatury. In: Český překlad II (1945-2004). Ústav translologie FF UK, Praha 2005, с. 98-105. Setkávání s druhou kulturou v českých překladech ruské literatury. In: Setkání s druhým. Hradec Králové: Gaudeamus, 2006, с. 16-23. 'Ztráty a nálezy' v českých překladech ruské poezie 20. století. In: Ruská poezie 20. století, recepční, genologické a strukturálně analytické pohledy. Sborník studií. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i., 2007, с. 11-22. Чешско-русский межкультурный диалог в чешских переводах русской литературы. In: POSPÍŠIL, I., ZELENKA, M.: (editoři). Česká slavistika 2008. Brno – Praha: Academicus, Česká asociace slavistů a Literárněvědná společnost, pobočka Praha 2008, с. 247-255. Художественный перевод в современном диалоге культур. In: Dialog kultur V. Sborník referátů z mezinárodní vědecké konference (Hradec Králové 20.-21.1. 2009). Hradec Králové, katedra slavistiky PdF UHK: OFTIS, Ústí nad Orlicí 2009, с. 582-590. И др.

⁹ Ср.: GOGOL, N. V.: Petrohradské povídky. Z ruštiny přeložila Anna Nováková. Praha: Primus, 2002. Ссылки на это издание в дальнейшем приводятся в скобках прямо в тексте статьи. А. Новакова издала переводы этого произведения уже в 1963 и 1984 гг., после ее смерти (2005) появилось еще двухязычное издание (т.е. на русском и на чешском языках): GOGOL, N. V.: «Записки сумасшедшего», Bláznovy zápisky; «Нос», Nos. Přeložila Anna Nováková. Praha: Garamond, 2008. В течение своей высококреативной деятельности она переводила, прежде всего, произведения А. Солженицына, потом С. Т. Аксакова, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Ю. Олеси, И. Шмелева и Л. Н. Толстого.

мается, что напрашивающиеся выводы мы можем отнести к оценке перевода всего говолевского сборника *«Петербургские повести»*.

2.1.1. Поверхностных (однако и традиционных) читателей заинтересует, несомненно, переводческая субституция фамилии главного героя данного рассказа Башмачкина. Традиционно она часто механически переносилась на чешский язык как «*Vařmařkin*», сохраняя в своей фонетической сущности и на чешском языке особенный оттенок уменьшительности (даже прямо малости) и усиливая, одновременно, гипотетический привкус ласкательности), но теряя, однако, семантическую полуметафорическую ассоциативность с «башмаком», представляющим собой незаменимую составную часть характеристики гоголевского героя. Именно поэтому, на мой взгляд, появлялись попытки перенести в чешскую среду и этот семантический оттенок фамилии Акакия Акакиевича, хотя субституция русского «башмака» чешской «*botou*» сталкивается в данном случае с некоторыми ассоциативными затруднениями.¹⁰ Наряду с появляющейся субституцией Башмачкина чешским эквивалентом «*Botkin*» (образованным от упомянутой «*boty*», теряющим, однако, часть симптоматического гоголевского привкуса уменьшения, неотделимого от характера героя подлинного русского текста, Новакова решила сделать определенный компромисс и назвала Акакия Акакиевича «*Botičkin*». Несмотря на то, что ее субституция может казаться непривычной, она, на мой взгляд, является вполне эквивалентной и соответствующей в значительной мере семантическому простору рассказа *«Шинель»*. Возможные критические возражения в адрес этой переводческой субституции вызваны, по моему мнению, прежде всего, традиционно зафиксированным механическим переносом русского варианта фамилии в чешский метатекст рассказа.

2.1.2. В связи с субституцией русской фамилии «Башмачкин» чешским «*Botičkinem*» напрашивается, например, сравнение с переводом рассказа *«Записки сумасшедшего»*, фамилия главного героя которого (несмотря на высоко ассоциативный характер своего происхождения) была Новаковой автоматически перенесена на чешский язык. Русская фамилия «Поприщин», подсказывающая тесную семантическую связь с существительным *«поприще»* (т.е. „*zápasiště*“, „*kolbiště*“, „*aréna*“) остается и на чешском языке „*Porpříšcinem*“, теряя, конечно, для чешского читателя, любую связь с намеченной Гоголем внутренней раздвоенностью своего носителя. Понятно, что исходная мера семантической амбивалентности, охватывающая своим подтекстом

¹⁰ Дело в том, что метафорические признаки, переселенные на русского Башмачкина от «башмака» в чешской традиции заимствованы чаще не у «*boty*», т.е. у чешского лексикального варианта башмака, а у «*bařkořu*», соответствующей русским «домашним туфлям».

не только душевный мир Поприщина, но и атмосферу всего окружающего его общества, в чешском переводе значительно ограничивается, потому что чешский реципиент не способен в данной фамилии – кроме предполагаемого русского происхождения – разоблачить никакое подтекстовое значение; дело в том, что пропорциональность «признаковых» элементов и улавливаемого читателем семантического подтекста коренно нарушена.¹¹

2.2. Особенно, на мой взгляд, необходимо отметить высоко креативный подход Новаковой к гоголевскому своеобразному фиктивно случайному отбору слов (на самом деле деталей) для сжатой характеристики персонажей и окружающей их среды. Новакова избежала традиционной ошибки неопытных переводчиков – сохранять «во что бы то ни стало» дословность исходного текста. Она переводит не текст, но средстами современного чешского языка трансформирует его семантику и повествовательный стиль Гоголя. Сравним короткий отрывок из вступительной характеристики Акакия Акакиевича:

«Итак, в одном департаменте служил один чиновник; чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморроидальным... Что ж делать! виноват петербургский климат.»¹²

Стиль повествования, его исключительный гоголевский ритм и, одновременно, весь «макрокосмос» его художественного подтекста в чешском переводе сохранены, причем возникший метатекст воспринимается чешским реципиентом так естественно, как оригинал читателями исходного культурного контекста:

„Tak tedy na jednom ministerstvu pracoval jeden úředník; ten úředník nepatřil zrovna k těm důležitým, byl malý, mírně podřobaný a mírně nazrzlý, už napohled mírně krátkozraký, s lysinkou nad čelem, s vráskami po obou lících a s pleť tak řečeno hemoroidního odstínu. Jakáž pomoc! Za to může petrohradské podnebí.“ (141).

¹¹ К значению соблюдения пропорциональности «признаковых» элементов в процессе перевода см.: SUWARA, B.: Existujú šance na celistvosť translatológie pri napätí medzi interdisciplinárnymi a transdisciplinárnymi požiadavkami? In: KALIDOVÁ, E. et. al. Tajemná translatológie?..., цит. произв., с. 140.

¹² Все применяемые мной отрывки из подлинного текста рассказа «Шинель» цитируются по электронному источнику: <http://public-library.narod.ru/Gogol.Nikolai/shinel.html>.

Подобные подходы к переводу русской литературы, учитывающие способность переводчика «обратиться к современному читателю» – особенно при помощи «более большой и более флексибельной интерпретационной вариабельности», в том числе и отбора слов для креативного воплощения последней, я считаю доминантным симптомом качественных сдвигов в современной практике художественного перевода.¹³

2.2.1. Еще более наглядно и убедительно интерпретационный метод Новаковой раскрывается при переводе прямой речи, играющей важную роль в авторском формировании характеристики героя – ее носителя. Сравним, например, перевод отрывка диалога Башмачкина с портным (Петровичем) после сообщения, что необходимо сшить новую шинель. Гоголь:

«– Как же новую? – сказал он, все еще как будто находясь во сне, – ведь у меня и денег на это нет.

– Да, новую, – сказал с варварским спокойствием Петрович.

– Ну, а если бы пришлось новую, как бы она того...

– То есть что будет стоить?

– Да.

– Да три полсотни с лишком надо будет приложить, – сказал Петрович и сжал при этом значительно губы. Он очень любил сильные эффекты, любил вдруг как-нибудь озадачить совершенно и потом поглядеть искоса, какую озадаченный сделает рожу после таких слов.

– Полтораста рублей за шинель! – вскрикнул бедный Акакий Акакиевич, вскрикнул, может быть, в первый раз от роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.»

Новакова: „*Jak to nový? “ řekl pořád ještě jako ve snách, Kdepak bych na něj vzal? “ „No prostě nový, “ řekl s nelidským klidem Petrovič.*

„*A kdyby už tedy musel být nový, kolik by jaksí tento... “*

„*Nač by přišel? “*

„*Tak tak. “*

„*No takových sto padesát rublů nejmíň, “ řekl Petrovič a významně přitom sešpulil rty. Měl velice rád, když mohl někoho omráčit, přivést dokonale do úzkých a potom se po očku dívat, jak se na to postižený tváří.*

„*Sto padesát rublů za plášť! “ vykřikl ubohý Akakij Akakijevič, vykřikl snad poprvé v životě, neboť jinak mluvil vždycky tiše. “ (152).*

Чешский метатекст Новаковой убедительно показывает **рост значения свободной креативности** в процессе художественной интерпретации текс-

¹³ К этому ср. в моей работе: RICHTEREK, O.: K vývojovým proměnám českého překladu ruské literatury po roce 1945. In: KALIDOVÁ, E.: et. al. Tajemná translologie? Cesta k souvislostem textu a kultury. Praha: Ústav translologie FF UK, 2008, s. 75 и сл.

та инокультурным переводчиком. Этой креативности в позитивном смысле способствует наличие трех слоёв чешского языка: кроме двухполюсного разделения (литературный и разговорный языки) в чешской обиходной коммуникации все чаще применяется т. наз. «общий» чешский язык (т. е. «обеспá čeština») ¹⁴, элементы которого предлагают переводчику более широкий спектр средств выражения для того, чтобы создавать постоянно актуальный вариант переводимого произведения.

2.2.2. Мне думается, что именно подобные методы работы переводчика, являющиеся составной частью заметного **роста роли окончательного переводного текста**, соответствуют, на самом деле, одной из релевантных тенденций современного чешского (разумеется, не только чешского) художественного перевода – т. е. акценту на рост «автономии семантических ценностей» текста и, в связи с этим и на полноценной, более или менее, независимой жизни этого текста (метатекста) в новом культурном и общественном принимающем контексте. Сравним еще один пример, избранный из второй части рассказа. Речь идет об отрывке диалога между «*значительным лицом*» и Башмачкиным, касающегося грабежа нам известной шинели:

«– Что вы, милостивый государь, – продолжал он отрывисто, – не знаете порядка? куда вы зашли? не знаете, как водятся дела? Об этом вы должны были прежде подать просьбу в канцелярию; она пошла бы к столоначальнику, к начальнику отделения, потом передана была бы секретарю, а секретарь доставил бы ее уже мне...»

– Но, ваше превосходительство, – сказал Акакий Акакиевич, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа, какая только в нем была, и чувствуя в то же время, что он вспотел ужасным образом, – я ваше превосходительство осмелился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народ...

– Что, что, что? – сказал значительное лицо. – Откуда вы набрались такого духу? откуда вы мыслей таких набрались? что за буйство такое распространилось между молодыми людьми против начальников и выших!»

„Copak vy nevíte, velectěný pane, co je to úřední postup?“ řekl zase tím úsečným tónem. „Proč jste přišel až sem? Vy nevíte, jak se vyřizují žádosti? Nejdřív jste měl podat žádost na kancelář; žádost by se postoupila přednostovi kanceláře, pak přednostovi oddělení, pak by byla odevzdána tajemníkovi a ten by ji teprve předložil mně...“

¹⁴ В последнее время он, к сожалению, уже овладел чешские средства массовой коммуникации, особенно радио и телевидение.

„*Ale Vaše Excellence,*“ řekl Akakij Akakijevič a snažil se sebrat celou tu hrstečku sebedůvěry, kterou vůbec měl, přičemž cítil, že se strašlivě potí, „osmělil jsem se obtěžovat Vaši Excelenci, protože na tajemníky není jaksi... žádné spolehnutí...“

„*Co? Cože?*“ pravila významná osobnost. „*Jak jste na to přišel? Kde jste sebral takové nápady? Co se to rozmohlo mezi mladými lidmi za nemožnou troufalost?*“ (169).

Значительную роль в креативном методе переработки художественного стиля Гоголя со стороны Анны Новаковой играют такие субституционные решения, как адекватная компенсация русского естественного высказывания его чешскими эквивалентами. Именно таким образом окончательный чешский метатекст, не теряя симптомы первичной русской действительности, приобретает характер сверхвременной естественной – почти сверхнациональной – действительности. Достаточно, между прочим, сравнить несколько примеров (в чешском переводе их много, значит, мы можем убедительно считать их составной частью переводческой стилизации Новаковой), в роде таких, как: «– *Что вы, милостивый государь, – продолжал он отрывисто, – не знаете порядка? куда вы зашли?*» „*Sopak vy nevíte, velectěný pane, co je to úřední postup?*“ řekl zase tím úsečným tónem. „*Proč jste přišel až sem?* Или: «– *Откуда вы набрались такого духу? откуда вы мыслей таких набрались? что за буйство такое распространилось между молодыми людьми против начальников и высших!*» „*Jak jste na to přišel? Kde jste sebral takové nápady? Co se to rozmohlo mezi mladými lidmi za nemožnou troufalost?*“ И др.

3. Настоящее – более или менее маргинальное – приостановление над проблематикой чешских переводов гоголевских «*Петербургских повестей*» доказывает (на мой взгляд убедительно) не только значение качественного художественного перевода для перманентного обогащения общечеловеческого восприятия мировой литературы; без переводов это понятие теряло бы существенную часть своего смысла и значения. Одновременно, однако, переводческая стратегия интерпретации Анны Новаковой доказывает (не редко небрежно недооцененный) вклад процесса перевода инокультурных артефактов для естественного полноценного развития культуры и языка принимающей среды. Опытный и «профессионально ответственный» переводчик способствует укреплению, на первый взгляд незамечаемого, распространения литературного пространства и формированию новых качеств литературного языка принимающего инокультурного общества (включая

даже сдвиги в формировании норм последнего).¹⁵ Благодаря подобным подходам к интерпретации русской классики, какие мы замечаем в креативном чешском варианте небольшого гоголевского рассказа «Шинель», мы можем подытожить, что современная чешская культура приобретает не только адекватную (хотя свыше полтора века старую, но вполне вразумительную) релевантную сверхвременную часть художественного завещания русского писателя Н. В. Гоголя. Кроме того, одновременно, она доказывает способность сохранить и передать средствами своего современного языка продолжительные провокационные импульсы, которыми этот писатель обогатил и все еще обогащает восточнославянскую и мировую литературу.¹⁶

¹⁵ К этому ср., на прим.: ŠOTOVÁ, J.: Moc a bezmoc překladatele. Role překladatele v recepci autora a díla v českém prostředí. In: KALIDOVÁ, E.: et. al. Tajemná translologie..., цит. произв., с. 117. К данной проблеме ср. и в моей работе: K úloze a postavení uměleckého překladu v současné multikulturní komunikaci. In: LEPILOVÁ, K.: a kol.: Text a kontext. Brno: Repronis Ostrava, 2008, с. 60-69.

¹⁶ Известный чешский ученый З. Матхаузер к таким импульсам относит, между прочим, гоголевский «исключительный принцип предположительности» (předpokladovosti), основанный не на том, что лицо (герой его произведений) делает или хочет делать, но на том, в какое «предположительное» семантическое поле (пространство) входят замыслы и поступки этого героя. Окружающая среда (по моему мнению, в том числе и читатель а реципиент) приспосабливают потом данное лицо своим представлениям. Ср.: MATHAUSER, Z.: Báseň na dosah Eidosu. Ke stopám fenomenologie v ruské literatuře a literární vědě. Praha : Univerzita Karlova, 2005, с. 209. В приведенных Матхаузером импульсах таится, на мой взгляд, одна из гарантий актуальности гоголевского художественного завещания, которую раскрывают и развивают и такие современные переводы произведений Гоголя, автором которых является Анна Новикова.